

НОВАЯ и НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

В номере:

ПАРТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ НА СЛУЖБЕ ГУМАНИТАРНОГО
И СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

СССР И СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1944 г.
ПРЕДСТАВЛЕНЬЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ

СОВЕТСКИЕ ПОДВЕЧНЫХ ГУЛАГ: В ПОБЕДУ
ПОДВЕЧНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СЛОВАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ В 1923 г.
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СОВЕТСКИЙ ВЫБОР НОВОЙ ИСТОРИИ СТРАН
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТСКОЕ ПОДВЕЧНОЕ ГУЛАГ: ПОБЕДА
ПОДВЕЧНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ
ДОКУМЕНТАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОВЕТСКИЙ ВЫБОР НОВОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ

СОВЕТСКИЙ ВЫБОР НОВОЙ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ

СОВЕТСКИЙ ВЫБОР НОВОЙ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ
СОВЕТСКОГО ПОСЛА В ИЗРАИЛЯ

5
1996

© 1996 г.

В.Б. КОНАСОВ, А.В. ТЕРЕЩУК

К ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ (1941–1943 гг.)

История военнопленных во второй мировой войне до сих пор мало изучена. Эта тема вызывает не только академический интерес. Об ее актуальности свидетельствует факт подписания в январе 1995 г. Президентом Российской Федерации Указа о восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц.

Вопрос о количестве советских солдат и офицеров, оказавшихся в лагерях Германии, и пленных немцев, попавших в лагеря СССР, и сегодня остается открытым. В середине 1960-х годов западногерманские историки привели следующие данные: из 5,75 млн. советских военнопленных умерли от голода, болезней, подверглись физическому уничтожению около 3,3 млн. человек¹. Одни российские исследователи склонны согласиться с этими цифрами, другие считают их неоправданно завышенными². Что же касается сведений о количестве немецких военнопленных в СССР, то по подсчетам наших зарубежных коллег в руках Красной Армии в 1941–1945 гг. оказалось свыше 3 млн. солдат и офицеров вермахта, из которых приблизительно 1,1–1,3 млн. человек внесены в скорбный список безвозвратных потерь³. Дискуссия вокруг этих цифр также не завершена⁴.

В этой связи историк вправе задать вопрос: была ли более полувека тому назад хоть какая-то возможность избежать лишних жертв, облегчить участь "узников войны"⁵ путем переговоров? Попытки в этом направлении предпринимали, руководствуясь нормами международного гуманитарного права, сформулированными Гаагской и Женевской конвенциями, Международный Красный Крест, нейтральные государства, союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Какова же была при этом позиция Москвы и Берлина? В основе ответа на этот вопрос лежит проблема международно-правового положения советских и немецких военнопленных в годы второй мировой войны. Постановке этой многоплановой и весьма противоречивой проблемы, обойденной вниманием отечественных историков, и посвящена настоящая статья.

Хронологические рамки исследования – 1941–1943 гг. – обусловлены тем, что именно в эти годы рассматривался международно-правовой статус советских военнопленных в "третьем рейхе" и немецких в СССР. В декабре 1943 г. СССР прекратил всякие контакты с Международным Комитетом Красного Креста (МККК).

Трагическая история военнопленных второй мировой войны в бывшем СССР долгие

¹ Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegsführung. Frankfurt a.M., 1965, S. 577; Jacobsen H.-A. Kommissarbefehl und Masseneexekutionen sowjetischer Kriegsgefangene. – In: Buchheim u.a. Anatomie des SS-Staates, Bd. II. Olten–Freiburg, 1965, S. 279.

² Галицкий В.П. Верните деньги. – Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 28. Ср.: Гриф секретности снят. Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993, с. 337–338.

³ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, Bd. I–22. München, 1962–1974; Bd. VII, S. 151.

⁴ Подробнее см.: Конасов В.Б. К вопросу о численности военнопленных в СССР. – Вопросы истории, 1994, № 11, с. 187–189.

⁵ POWS – "prisoners of war" (англ.) – "узники войны" – военнопленные. Данную аббревиатуру принято употреблять в документах по международному военному праву.

годы замалчивалась. Работы, посвященные, к примеру, пребыванию наших соотечественников в нацистских лагерях, были подготовлены лишь германскими историками⁶. Среди этих работ особый резонанс вызвала книга Х. Штрайта⁷, получившая в переводе на русский язык название "Солдатами их не считать" и "Они нам не товарищи"⁸. Первоначально перевод книги имел гриф "Для служебного пользования" и только начиная с 1992 г. главы из нее начал публиковать "Военно-исторический журнал"⁹. Используя архивные материалы, Штрайт обрисовал тяжелое положение советских военнопленных в нацистской Германии. Одновременно автор писал о преступной и безнравственной политике фашистского руководства, попиравшего все нормы международного права, требовавшего гуманного отношения к "узникам войны".

В СССР не вышло ни одной монографии, посвященной изучению судьбы соотечественников в нацистском плену. Что касается трудов, в которых, наряду с другими вопросами, затрагивались международно-правовые аспекты данной проблемы, то их авторы исходили из идеологических постулатов коммунистической эпохи и осуществляли отнюдь не безупречную реконструкцию исторического прошлого. Характерна в этом отношении книга П.С. Ромашкина. Среди работ историков и юристов, позднее обратившихся к интересующей нас теме, можно назвать исследования Н.С. Алексеева, А.И. Полтарака, Л.И. Савинского, Н.М. Минасяна и др.¹⁰ Справедливо критикуя злодеяния нацистов, авторы не допускают и мысли, что нарушение законов и обычаев войны могло иметь обоядный характер. Лишь в одной из последних книг М.И. Семиряги есть упоминание о непоследовательности Москвы по отношению к Женевской конвенции 1929 г.¹¹

В вышедших за последние годы статьях дана критическая оценка некоторых приказов и директив командования РККА и лично И.В. Сталина¹². Проанализирован, в частности, приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., по которому советские воины, оказавшиеся в плену, объявлялись злостными дезертирами, а их близким грозил арест (семьям командиров и политработников) или же лишение государственного пособия (семьям красноармейцев)¹³. Этот приказ вступал в вопиющее противоречие не только с принципами гуманности, но и с нормами международного права.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о причинах и характере коллаборационистского движения. Кульминацией этой дискуссии следует считать публицистический очерк Л.Е. Решина и развернутую рецензию на его работу Г.В. Владимира, опубликованные в журнале "Знамя"¹⁴. Принципиальное расхождение между автором и рецензентом состоит в том, что первый отвергает версию о "политических причинах сдачи в плен", а второй пытается найти аргументы для ее обоснования. В ходе полемики, однако, не прозвучал такой весьма щекотливый вопрос, как правовой статус бывшего красноармейца, вступившего в ряды германской армии. По мнению немецкого истори-

⁶ Carell P., Böddeler G. Die Gefangenen. Frankfurt a.M., 1980; Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen im "Fall Barbarossa". Heidelberg, 1981.

⁷ Streit Chr. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978 (2 Auflage. Bonn, 1991).

⁸ См.: Штрайт Х. Солдатами их не считать. М., 1969; *его же*. Они нам не товарищи. М., 1991.

⁹ Военно-исторический журнал, 1992, № 1–12; 1993, № 5–6; 1994, № 2–6.

¹⁰ Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953; Алексеев Н.Г. Ответственность нацистских преступников. М., 1968; *его же*. Злодеяния и возмездие. М., 1986; Полтарак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М., 1976; Минасян Н.М. Международные преступления третьего рейха. Саратов, 1977.

¹¹ Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991, с. 130.

¹² Хорьков А.Г. Плен: трагедия соотечественников. – Коммунист Вооруженных Сил, 1991, № 8, с. 66–69; Иашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы в отечественной истории. – Военно-исторический журнал, 1992, № 1, с. 44–49 и др.

¹³ Военно-исторический журнал, 1988, № 9, с. 28.

¹⁴ Решин Л.Е. Коллаборационисты и жертвы режима. – Знамя, 1994, № 8, с. 158–179; Владимира Г.В. Новое следствие, приговор старый. – Там же, с. 180–187.

ка Й. Хоффманна, такие лица, безусловно, попадали под защиту конвенции о военнопленных¹⁵. К такому же выводу приходит и английский историк Н. Бетелл¹⁶.

В 1957 г. в ФРГ была создана специальная научная комиссия по изучению материалов, связанных с судьбой пленных немцев в Югославии, СССР и других странах. Первоначально руководителем этой комиссии был профессор из Мюнхена Г. Кох, а после его смерти в 1959 г. – профессор из Гейдельберга Э. Машке, вскоре ставший редактором многотомного труда "К истории немецких военнопленных второй мировой войны"¹⁷. Семь томов этого издания, со второго по восьмой, и одно приложение посвящены пребыванию солдат и офицеров германской армии в советском плену. Выход в свет этой работы западногерманских ученых советская историческая наука отметила статьей критического содержания¹⁸. В качестве доказательства гуманного обращения советских властей с поверженным противником фигурировали отзывы пленных, взятые из книги, подготовленной в аппарате Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР, называвшегося ранее Управлением по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), и изданной в переводе на немецкий язык в Берлине¹⁹. Не оспаривая правдивости этих свидетельств, заметим все же, что к документам подобного рода следует подходить с большой осторожностью. Многие из них написаны под наjjимом, из-за боязни военнопленного ухудшить собственное положение, отсрочить необдуманным отказом возвращение на родину. Специальная инструкция МВД СССР № 389 от 16 июня 1949 г. предписывала получать от всех репатрируемых "положительные отзывы о своей жизни в плену", ибо каждый такой отзыв, резолюция собрания, митинга, групповое письмо будут "иметь большое значение для опровержения клеветнических и провокационных выступлений за границей"²⁰.

Убедительнее звучала критика в адрес многотомного труда "К истории немецких военнопленных второй мировой войны" со страниц книги советского исследователя германского фашизма А.С. Бланка²¹. Следует согласиться, к примеру, с его утверждением о том, что при сравнении норм питания советского населения и немецких военнопленных западногерманские историки "перешли всякие границы правдивости"²². Как в 1941–1945 гг., так и в послевоенное лихолетье жители городов и сел России нередко испытывали острую нехватку самого необходимого, а порой и просто голодали. Другое дело, что нормы питания, установленные для пленных приказами НКВД–МВД, зачастую не выдерживались, были перебои с доставкой продовольствия, случаи хищений со стороны обслуживающего персонала и т.п. Прав А.С. Бланк, обращая внимание на тенденциозность некоторых свидетельств о "нечеловеческих условиях работы" немецких военнопленных или о "голодном психозе" среди них²³, ибо на основании отдельных фактов читатель может сделать выводы обобщающего характера. Хотя книга А.С. Бланка вышла в ФРГ, в ней не сказано об откровенном произволе в отношении пленных, а критику закрытых судебных процессов в СССР, нередко выносивших бывшим солдатам и офицерам вермахта сомнительные с точки зрения права приговоры, автор называет "жалобной песней" по военным преступникам²⁴.

¹⁵ Хоффманн Й. История власовской армии. Париж. 1990, с. 241–242.

¹⁶ Бетелл Н. Последняя тайна. М., 1992, с. 40 (пер. с англ.).

¹⁷ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges.

¹⁸ Ржисевский О.А., Иваницкий Г.К. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР. – Военно-исторический журнал. 1978, № 10, с. 77–78.

¹⁹ Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Berlin, 1949.

²⁰ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее – ЦХИДК), ф. 1/п, оп. 37а, д. 1, л. 257–259.

²¹ Blank A. Die Deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

²² Ibid., S. 47.

²³ Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, Bd. III, S. 260.

²⁴ Blank A. Op. cit., S. 45.

В 1980-е годы в Западной Германии увидели свет монографии М. Ланга, А. Лемана, К.-Г. Фризера и других исследователей, посвященные различным аспектам проблемы немецких военнопленных²⁵. Эти работы отличаются как серьезной фактологической основой, так и методологической новизной, что позволило их авторам сделать заметный шаг вперед в аналитико-интерпретационной разработке вопроса в целом. Отметим также работы признанного специалиста по советско-германскому противостоянию в 1941–1945 гг. уже упоминавшегося нами Й. Хоффманна. Хотя Хоффманн специально не исследовал историю военного плена, международно-правовые аспекты положения военнопленных им тоже рассматриваются²⁶.

В последнее время некоторые принципиальные вопросы, связанные с пребыванием солдат и офицеров во вражеском плену, подлежат критическому переосмыслению. Г.-Г. Нольте не исключает того, что высокий уровень смертности среди немецких военнопленных осенью и зимой 1941 г. был вызван не репрессиями советских властей, а теми объективными трудностями, которые тогда испытывал сам СССР²⁷.

Многие германские ученые, изучающие историю советских и немецких военнопленных, так или иначе рассматривают вопрос об отношении Берлина к решению этой проблемы дипломатическим путем. Однако когда речь заходит об исследовании позиции Москвы, наши коллеги испытывают затруднения. Сказываются неполнота документальной базы, отсутствие материалов из архивов бывшего СССР. Кроме того, для объективной оценки минувших событий важно знать мнение другой стороны. У нас же на данную тему пока опубликована всего одна статья, автором которой является военный историк В.П. Галицкий²⁸.

Сказанное убеждает в том, что вопрос о советских и немецких военнопленных остается и сегодня недостаточно исследованным. Актуальным представляется введение в научный оборот новых архивных документов.

Чтобы решить поставленную задачу, авторы настоящей статьи использовали документы нескольких архивных фондов. При написании работы проанализированы материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а именно: фонд 06 – секретариат В.М. Молотова, фонд 054 – договорно-правовой отдел НКИД, фонд 140 – референтура по Швеции, фонд 132 – референтура по Турции, фонд 129 – референтура по США. В статье использованы документы бывшего "Особого архива" – ныне Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Документы по теме исследования в этом архиве рассредоточены по различным делам самого обширного фонда (фонд 1/п). Несколько документов были найдены в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде Р.-9401 – "Особая папка" И.В. Сталина.

Первое государство рабочих и крестьян, отринув "предрассудки" капиталистической морали и буржуазного права, не сочло нужным оформить официальное признание Гаагской конвенции 1907 г. "О законах и обычаях сухопутной войны", хотя и не денонсировало названный документ. В этой конвенции имелся специальный раздел "О военнопленных", положения которого, судя по всему, новая власть посчитала "излишне гуманными". В углере гражданской войны, когда "человек с ружьем" нередко оказывался то по одну, то по другую сторону фронта, советское правительство с помощью репрессивных мер формировало негативное отношение к плену. По постанов-

²⁵ Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee Freies Deutschland. Mainz, 1981; Lang M. Stalins Strafjustiz gegen deutschen Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutschen Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950. Herford, 1981; Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München, 1986.

²⁶ См. Хоффманн Й. Указ. соч.; Hoffmann J. Die Kriegsführung aus der Sicht der Sowjetunion. – In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4. Stuttgart, 1983.

²⁷ Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. Hannover, 1991, S. 60.

²⁸ Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства. – Советское государство и право. 1990, № 4, с. 124–130.

лению Совета рабочей и крестьянской обороны от 1 августа 1919 г. за подписями В.И. Ленина и Э.М. Склянского семи красноармейцев, рискувших перейти в лагерь белых, лишились всех видов государственного пособия и земельного надела²⁹. Статья 193 УК РСФСР 1926 г. предупреждала о том, что "за сдачу в плен, не вызывавшуюся боевой обстановкой" (при необходимости под такую формулировку можно было подвести любого), полагается "расстрел с конфискацией имущества"³⁰.

Летом 1929 г. СССР отказался направить на Международную конференцию в Женеву своего делегата. 27 июля 1929 г. здесь были приняты две новые конвенции: "Об обращении с военнопленными" и "Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях". Первое из названных соглашений вскоре ратифицировали более 30 государств, в том числе Германия. Что касается СССР, то 25 августа 1931 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов объявил о решении советского правительства присоединиться к Женевской конвенции о раненых и больных в специальной декларации³¹. Убедительных причин отказа подписать Женевскую конвенцию о военнопленных ни тогда, ни позднее представлено не было³².

Последствия дипломатического демарша Москвы дали о себе знать уже в первые месяцы второй мировой войны. Запросы Международного Красного Креста о судьбе польских военнослужащих, оказавшихся в руках Красной Армии в результате "освободительного похода" осени 1939 г., остались без ответа. Предложение же о помощи в розыске пропавших офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей было проигнорировано³³. Протест Красного Креста Финляндии по поводу бомбардировки жилых кварталов и, как следствие, гибели гражданского населения, направленный в феврале 1940 г. в исполнком Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, был затребован наркомом внутренних дел Л.П. Берии. Несколько позднее нарком выслал копию этого документа председателю СНК В.М. Молотову, тот в свою очередь переправил "протест" в НКИД, чем все дело и кончилось³⁴. Попытки представителей Международного Красного Креста "объясниться" с Москвой по наболевшим вопросам через советских полпредов Я.З. Сурица в Париже и А.А. Шкварцева в Берлине успеха не имели³⁵.

На следующий день после нападения Германии на СССР, 23 июня 1941 г. председатель МККК швейцарец М. Губер направил правительствам СССР, Германии, Финляндии и Румынии телеграммы, в которых содержалось предложение обмениваться сведениями о военнопленных. Учитывая печальный опыт прошлых лет, в Женеве особых иллюзий по поводу реакции Москвы не имели. Однако Губер и его ближайшие помощники получили 27 июня 1941 г. подписанную наркомом иностранных дел В.М. Молотовым телеграмму: "Советское правительство готово принять предложение Международного Красного Креста относительно представления сведений о военнопленных, если такие же сведения будут представляться воюющими с Советским государством странами"³⁶.

2 июля 1941 г. Губер обратился к СССР еще с одним предложением – учредить в

²⁹ См. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1919, № 38, с. 380.

³⁰ См. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М., 1957, с. 86.

³¹ Текст конвенции и декларации был опубликован в брошюре, тираж которой насчитывал всего 1 тыс. экземпляров. См. Женевская конвенция об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. М., 1932.

³² О причинах отказа СССР подписать Женевскую конвенцию о военнопленных см. Конасов В.Б. Терещук А.В. Узники войны (К истории иностранных военнопленных в России и СССР). – Новый часовой, № 1, 1994, с. 32–33.

³³ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4с, д. 14, л. 66.

³⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 77.

³⁵ Там же, оп. 22, п. 524, д. 66, л. 73.

³⁶ Там же, ф. 054, оп. 20, п. 530, д. 73, л. 36.

Анкаре Центральное агентство по делам военнопленных. Одновременно председатель МККК испрашивал разрешения на контакт уполномоченного своей организации с представителем советского посольства в Турции. 6 июля 1941 г. Молотов телеграфировал о принципиальном согласии по тому и другому вопросам, указав, что все переговоры в Анкаре поручается вести советскому полпреду С.А. Виноградову³⁷.

Ранее, 1 июля 1941 г., СНК СССР своим постановлением № 1798-800с утвердил новое "Положение о военнопленных"³⁸. Основные пункты этого документа буквой и духом были тождественны не только Гаагской, но и Женевской конвенциям. Всем пленным гарантировались соответствующие их статусу обращение, предоставление медицинской помощи на равных основаниях с советскими военнослужащими, возможность переписываться с родственниками и получать посылки. В документе были и расхождения с общепризнанными международными соглашениями по следующим позициям: отсутствовал запрет на работы, связанные с вредными условиями труда, не оговаривалось выделение обвиняемому защитника, смертный приговор осужденному мог приводиться в исполнение без оповещения об этом Международного Красного Креста и правительства той страны, гражданином которой он являлся. В Женевской конвенции во всех трех перечисленных случаях права военнопленного находились под защитой статей 32-й, 61-й, 66-й³⁹.

Принятое СНК СССР "Положение о военнопленных" не шло ни в какое сравнение с преступными приказами и директивами, поступившими в вооруженные силы "третьего рейха" накануне похода в Россию. 30 марта 1941 г. Гитлер в присутствии 250 генералов, которым предстояло проводить в жизнь операцию под кодовым названием "Барбаросса", заявил: "Коммунизм есть чудовищная опасность для будущего. Мы должны забыть о понятии солдатского товарищества. Коммунист не был и не будет товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение"⁴⁰.

В соответствии с данной установкой был подготовлен и 8 июня 1941 г. разослан командованию групп армий, армий и танковых групп, предназначенных для войны против СССР, "Приказ о комиссарах". В нем относительно "политических комиссаров всех званий" говорилось: "Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности... Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожать"⁴¹. Можно говорить о том, что приказ этот был доведен только до узкого круга ответственных лиц, что его исполнению противились некоторые генералы и офицеры⁴², но факт остается фактом – налицо не просто вопиющее нарушение норм международного права и гуманности, а установка на сознательное истребление целой группы военнопленных, неугодных в политическом отношении.

6 июля 1941 г. СССР обвинил Германию в нарушении Женевской конвенции "Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях". В штаб-квартиру МККК в Женеву был направлен протест по поводу бомбардировок немецкой авиацией городов Гродно, Лида, Минск, Смоленск, от которых пострадали госпитали, медицинский персонал, раненые⁴³. В свою очередь Германия обвинила советскую сторону в уничтожении собственных госпиталей при отступлении, что также являлось нарушением упомянутой Женевской конвенции.

³⁷ Там же, л. 43.

³⁸ Полный текст "Положения о военнопленных" см. Военно-исторический журнал, 1991, № 10, с. 50–53.

³⁹ Текст Женевской конвенции "Об обращении с военнопленными" никогда не публиковался в СССР. В статье используется копия этого документа, переведенного на русский язык. См. ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 21а, д. 47, л. 28, 39, 40.

⁴⁰ Streit Chr. Op. cit., S. 164.

⁴¹ Цит. по: Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М., 1964, с. 312.

⁴² См., например: Nolte H.-H. Op. cit., S. 158.

⁴³ Правда, 7.VII.1941.

17 июля 1941 г. в ноте государству-протектору Швеции, Москва официально заявила, что она считает обязательным соблюдать, на основах взаимности, условия Гаагской конвенции "О законах и обычаях сухопутной войны". 1 августа сотрудник правового отдела министерства иностранных дел Германии Э. Альбрехт, занимавшийся проработкой текста ответной ноты, представил по этому поводу письменный доклад рейхсминистру иностранных дел Й. Риббентропу⁴⁴. Поскольку согласие Москвы соблюдать упомянутое соглашение предполагало и соответствующее обращение с военнопленными, последнему вопросу было уделено наибольшее внимание. Содержание ответной ноты обсуждалось более двух недель, проект правил лично Гитлер.

Однако у Берлина не было серьезных намерений брать на себя какие-либо обязательства. В доказательство этого германский историк Х. Штрайт приводит следующие аргументы: во-первых, Гитлер занимал непримиримую позицию и хотел сохранить за собой свободу действий в ликвидации политически нежелательных и "неполноценных в расовом отношении" военнопленных; во-вторых, германское военное командование было в то время уверено в близком успехе кампании на Востоке и не хотело связывать себя международно-правовыми формальностями; в-третьих, Гитлер и его генералы были дезориентированы сообщениями с фронтов о якобы поголовных расстрелях русскими пленных солдат и офицеров вермахта. В итоге в ответной ноте германского правительства от 25 августа 1941 г. возможность заключения с СССР какого-либо соглашения ставилась под сомнение⁴⁵.

Со всеми этими доводами Штрайта можно согласиться. Вместе с тем он, как и некоторые другие германские историки⁴⁶, по-видимому, заблуждается относительно того, что нота от 17 июля 1941 г. свидетельствовала о намерении Москвы "перевести обоюдное обращение с пленными на принципы гуманности". Равно как и по поводу того, что правительство СССР было в те дни озабочено судьбой более чем 2 млн. красноармейцев, попавших в руки противника⁴⁷.

Вырвавшиеся с риском для жизни из-за колючей проволоки нацистских лагерей или освобожденные частями Красной Армии советские военнопленные предварительно проходили проверку в фильтрационно-проверочных пунктах НКВД, при этом к ним широко применялись провокационные методы следствия. Значительная часть офицеров была разжалована в рядовые и направлена в отдельные штурмовые стрелковые батальоны кровью смыть "позор плена". Только в 1956 г. бывшие военнопленные были восстановлены в своих гражданских правах⁴⁸. И только в последнее время началась их реабилитация в глазах общественного мнения.

Что касается немецких военнопленных, то выполнять свои обязательства по отношению к ним в полном согласии с "Положением" от 1 июля 1941 г. советское руководство не могло. Иначе чем объяснить тот факт, что расстрелы первых пленных немецких солдат и офицеров, о чем давно писали западногерманские, а ныне пишут и отечественные историки⁴⁹, прошли мимо внимания Москвы? Некоторые войсковые командиры и офицеры приемных пунктов НКВД, отвечающих за безопасность пленных, пытались воспрепятствовать самовольству красноармейцев, ослепленных пропагандой ненависти к "фашистским бандитам" и жаждой мщения за зверства врага. Но позиция высшего руководства была иной. Например, 4 октября 1941 г., получив от командующего Резервным фронтом генерала армии Г.К. Жукова сообщение о не-

⁴⁴ Хофманн Й. Указ. соч., с. 129.

⁴⁵ Streit Chr. Op. cit., S. 225.

⁴⁶ См., например: Jacobsen H.-A. Op. cit., S. 192.

⁴⁷ Streit Chr. Op. cit., S. 225.

⁴⁸ Имеется в виду постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 г. № 898-490с "Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей". – См. Военно-исторический журнал, 1991, № 8, с. 32–34.

⁴⁹ См., например: Якушевский А.С. Расстрел в клеверном поле. – Новое время, 1993, № 25, с. 40–42; Zayas A. de. Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle. Unveröffentlichte Akten über alliierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1979, S. 273.

мецком перебежчике, Верховный главнокомандующий распорядился: "Вы в военнопленных не очень верьте, спросите его с пристрастием, а потом расстреляйте"⁵⁰. О нарушении норм международного права и законности свидетельствуют санкционированные советским руководством смертные приговоры, вынесенные немецким солдатам и офицерам за побег из лагеря (или даже за его подготовку), невыполнение норм выработки (саботаж), антисоветскую агитацию. По этому поводу первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский в письме за № 707-в от 5/6 декабря 1942 г., адресованном В.М. Молотову, писал: "Считал бы правильным о вынесении смертных приговоров в отношении германских военнопленных Болгарское Правительство, как взявшее на себя защиту интересов Германии, не информировать. По существу утвержденных выше дел необходимо отметить, что приговоры составлены неудовлетворительно (поверхностно, малоубедительно)"⁵¹.

По подсчетам германских историков, на наш взгляд все-таки завышенным, от 90 до 95% немецких солдат и офицеров в 1941–1942 гг. были убиты при сдаче в плен или погибли несколько позже⁵².

В этой связи возникает вопрос: зачем в таком случае Москва вообще обратилась 17 июля 1941 г. к Швеции с соответствующей нотой? Здесь надо иметь в виду одно важное обстоятельство: появление советской ноты 17 июля 1941 г. было инициировано правительством Швеции. 14 июля 1941 г. шведская миссия обратилась в НКИД с меморандумом, в котором впервые на официальном уровне ставился вопрос о том, "признает ли Советский Союз обязательной для себя в нынешней войне с Германией Гаагскую конвенцию?". Любопытны содержание и тон ответа "Памятной записки", врученной заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским главе шведской миссии Б. Ассорсону: "Советское Правительство считает необходимым подчеркнуть, что в войне с напавшей на СССР фашистской Германией Советский Союз имеет дело с таким врагом, который систематически грубо нарушает все международные договоры и конвенции. Это обстоятельство ставит Советское Правительство перед необходимостью соблюдать указанную выше Гаагскую конвенцию в отношении фашистской Германии лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией"⁵³.

Объявив о своем признании Гаагской конвенции, советское правительство надеялось разрешить еще одну серьезную проблему. Санкционированное директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партизанское движение⁵⁴ объявили противозаконным не только немцы, но и некоторые представители Международного Красного Креста. Сотрудники правового отдела НКИД досконально проработали текст Гаагского соглашения и пришли к выводу, что статьи 1-я, 2-я, 3-я документа содержат убедительные доводы, что действия советских партизан не противоречат этой конвенции.

Дав согласие Международному Красному Кресту на предоставление сведений о военнопленных и на переговоры с полпредом в Турции Виноградовым, СССР решил этим пока ограничиться. Однако вскоре в НКИД стали поступать сообщения о том, что МККК, возможно, предложит Москве выступить с заявлением о признании Женевской конвенции 1939 г. При таком повороте событий предпочтение имела Гаагская конвенция, которая налагала на СССР гораздо меньше обязательств в отношении военнопленных. Первая насчитывала 97, вторая – всего 18 статей⁵⁵, посвященных

⁵⁰ Цит. по: Известия ЦК КПСС, 1990, № 10, с. 216.

⁵¹ АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, л. 25–25об.

⁵² Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, Bd. IV, S. 206; Zayas A.de. Die Wehrmacht-Untersuchungsstelle. Deutsche Ermittlungen über allierte Völkerrechtsverletzungen im Zweiten Weltkrieg. München, 1980. S. 277.

⁵³ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, л. 2.

⁵⁴ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 7. М., 1985, с. 221–223.

⁵⁵ См. Международное право в избранных документах, т. 3. М., 1957, с. 43–46.

военнопленным. К тому же в Женевском соглашении более широко трактовались права пленных и предусматривался контроль за их соблюдением со стороны Международного Красного Креста. Очевидно, что с учетом всех перечисленных обстоятельств тянуть время с присоединением к Гаагской конвенции просто не имело смысла.

Между тем пока в Берлине изучали ноту СССР от 17 июля, председатель МККК Губер командировал в Анкару своего уполномоченного М. Жюно⁵⁶, который 23 июля 1941 г. имел первую встречу с Виноградовым. Выразив удовлетворение готовностью Москвы начать работу по обмену сведениями о военнопленных и принципиальным согласием соблюдать положения Гаагской конвенции, уполномоченный МККК заявил, что с его точки зрения СССР есть смысл присоединиться к Женевской конвенции. Не вдаваясь в подробности сделанного предложения, Жюно довел до сведения Виноградова конкретные предложения, исходившие от Германии. Немецкая сторона, в частности, предлагала выработать четкий порядок обмена сведениями, предлагающий достижение договоренности по таким уже чисто техническим вопросам, как, например, обязательное заполнение карточек-извещений (для солдат – простых, для офицеров и генералов – с красной полосой). В свою очередь МККК предложил Германии при заполнении карточек на советских военнопленных использовать русский алфавит. СССР же было предложено писать фамилии германских военнослужащих, оказавшихся в плену, латинскими буквами. Кроме того, было признано целесообразным использовать карточки разных цветов, к примеру, для немцев – синие, для венгров – желтые. В служебном дневнике Виноградов писал о том, что до его сведения была доведена предназначенная для Москвы информация: Германия уже передала первые списки советских военнопленных. Жюно считал необходимым как можно быстрее получить из Москвы аналогичные списки, чтобы фотокопии германских списков могли быть переданы из Женевы через Софию⁵⁷ в Анкару в адрес советского полпредства. При этом его интересовало, создано ли при советском Красном Кресте справочное бюро военнопленных и, если создано, то каков его адрес⁵⁸.

Во время переговоров советский полпред не располагал такого рода информацией и не был в состоянии ответить на поставленный Жюно вопрос. Между тем в Москве еще 11 июля 1941 г. НКИД СССР согласовал с Исполкомом Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) текст положения о Центральном справочном бюро (ЦСБ) по делам военнопленных. 21 июля это положение было согласовано и с УПВИ НКВД. В документе была сформулирована основная функция ЦСБ, заключавшаяся в сборе сведений о военнопленных и выдаче справок о военнослужащих как Красной Армии, так и неприятельских армий⁵⁹. Однако вряд ли можно было рассчитывать на то, что ЦСБ сможет выполнять эту функцию в полном объеме, поскольку опыт работы аналогичного органа в 1939–1940 гг. продемонстрировал его недееспособность, обусловленную крайне низким уровнем профессиональной компетентности и ограниченностью прерогатив. Примечательно, что во время переговоров Жюно и Виноградова уполномоченный МККК как бы мимоходом обронил слова о том, что Женева рассчитывает на естественную с точки зрения сложившейся международной практики финансовую поддержку Красного Креста со стороны СССР.

Наряду с МККК в те дни судьбой военнопленных были озабочены и организации стран, пока еще не втянутых в орбиту второй мировой войны. СССР, нуждавшийся в союзниках по антигитлеровской коалиции, должен был считаться с позицией США, настойчиво рекомендовавших Москве присоединиться к Женевской конвенции. Не

⁵⁶ Так именуется уполномоченный МККК в архивных документах бывшего НКИД. В литературе, переведенной на русский язык с немецкого и польского, он проходит под фамилией Юнод.

⁵⁷ Болгария выполняла миссию государства-протектора по отношению к Германии. Отсюда – и соответствующий канал связи (Женева – София – Анкара).

⁵⁸ АВП РФ, ф. 0132, оп. 24п, п. 236, д. 7, л. 356–359.

⁵⁹ ЦХИДК, ф. 1/п, оп. 4е, д. 14, л. 113–115.

ограничиваясь контактом на правительственном уровне, американские общественные деятели – генеральный секретарь комитета помощи военнопленным при Союзе христианской молодежи Т. Стронг, брат Анны Луизы Стронг, автора книг об СССР⁶⁰, и член этого же комитета, публицист, профессор Дэйвис – в начале июля 1941 г. посетили советского полпреда в США К.А. Уманского. Они предложили начать работу своего комитета среди немецких военнопленных в СССР. При этом Стронг и Дэйвис информировали Уманского о том, что задача их организации заключается в оказании пленным помощи "культурно-морального" характера – обеспечение литературой, музыкальными инструментами. Несколько позднее Стронг официально уведомил нашего дипломата о том, что ему удалось получить принципиальное согласие Берлина на деятельность американского комитета в лагерях для советских военнопленных в Германии. Учитывая пожелание Уманского, американцы заверили его, что будут оказывать находящимся в плену красноармейцам прежде всего продовольственную помощь. В случае положительного ответа Москвы они готовы были незамедлительно начать работу⁶¹.

Уманский, желая подчеркнуть целесообразность принятия сделанных американцами предложений, заверил Москву, что "в антифашистских настроениях комитета сомневаться не приходится". С мнением полпреда был согласен и заведующий отделом США НКИД Г.Н. Зарубин, который 23 июля 1941 г. направил в адрес Лозовского докладную записку с просьбой оформить Дэйвису въездную визу в СССР⁶². Однако инициатива советских дипломатов не нашла позитивного отклика у высшего руководства: план действий СССР на переговорах по урегулированию ситуации с военнопленными был в общих чертах уже готов.

В циркулярной ноте НКИД от 8 августа 1941 г., направленной всем аккредитованным в Москве посольствам и миссиям, СССР сообщил о своем намерении соблюдать "общезвестные международные договоры, касающиеся права войны", а именно: Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 г. "О законах и обычаях сухопутной войны", Женевскую конвенцию "Об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях" от 17 июля 1929 г. и Женевский протокол "О запрещении применения на войне удушильных, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств" от 17 июня 1925 г.⁶³ Однако в ноте содержалась оговорка – названные соглашения СССР будет "выполнять постольку, поскольку они будут соблюдаться самой Германией"⁶⁴.

В тот же день, 8 августа 1941 г., МККК получил телеграмму, подписанную Вышинским, содержание которой сотрудник правового отдела министерства иностранных дел Германии Э. Альбрехт расценил как весьма "расплывчатое"⁶⁵. Вышинский поставил процедуру обмена списками военнопленных в прямую зависимость от того, будет ли Германия, равно как и ее "сообщники", соблюдать Гаагскую конвенцию. Безусловного же обязательства самой следовать букве Гаагской конвенции 1907 г. советская сторона на себя не брала⁶⁶.

Между тем Берлин в эти дни занял по отношению к проблеме военнопленных двойственную позицию. 17 июля 1941 г. гестапо был издан приказ, предусматривающий убийство всех советских военнопленных, которые опасны или могут быть опасными для нацизма. Причем круг таких лиц, оговоренных данным приказом, был

⁶⁰ См.: Стронг А.Л. Народы СССР. Эра Сталина, Красная звезда в Самарканде и др. В переводе на русский язык опубликована одна книга. – Стронг А.Л. Новый путь Литвы. М., 1990.

⁶¹ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 18–19.

⁶² Там же.

⁶³ В ноте 8 августа 1941 г., однако, не указывался еще один документ, "касающийся права войны": Х-я Гаагская конвенция "О применении к морской войне начал Женевской конвенции" от 18 октября 1907 г., которая была признана обязательной для СССР постановлением СНК СССР от 16 июня 1925 г.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 1, л. 29.

⁶⁵ Хофманн И. Указ. соч., с. 279.

⁶⁶ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 53, д. 73, л. 43.

весьма широк. В него входили: "все комиссары Красной Армии", "руководящие деятели государства", "советско-русские интеллигенты", "все евреи" и т.д.⁶⁷ За тем, чтобы этот приказ безусловно выполнялся, наблюдал лично рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. По сообщению члена "Союза немецких офицеров"⁶⁸ майора вермахта Б. Бехлера в ноябре 1941 г. при посещении одной из армейских группировок Гиммлер поинтересовался у высокопоставленного офицера СС, какое количество евреев ежедневно расстреливается по его приказанию. Услышав цифру, рейхсфюрер СС закричал: "Какое свинство, берите пример с вашего коллеги в группе армий "Норд"! Он расстреливает в пять раз больше, чем вы!"⁶⁹.

В то же время министр иностранных дел Риббентроп и министр пропаганды И. Геббельс даже поощряли попытки Международного Красного Креста вести переговоры с Москвой, надеясь получить информацию о немецких военнопленных в СССР. Тем более что родные и близкие немецких солдат и офицеров, без вести пропавших на восточном фронте, упрекали в бездействии службу германского Красного Креста. Видимо, по этой же причине в министерстве иностранных дел Германии благосклонно отнеслись к инициативе правительства Швеции учредить в столице "третьего рейха" специальное отделение, которое бы наряду с МККК осуществляло функцию посредника в обмене сведениями о военнопленных. 5 августа 1941 г. информация на этот счет была доведена до сведения СССР советником шведской миссии Л. Нюландером. В переданной им представителю НКИД официальной ноте, в частности, говорилось о том, что командированному в Берлин шведскому посланнику Э. Экстранду поручено заняться выяснением судьбы советских пленных и что СССР, надо надеяться, "благосклонно одобрят принятые меры"⁷⁰. Уверенные в том, что взаимный интерес двух государств к судьбе соотечественников гарантирует успех, шведы 22 августа 1941 г. сделали первый запрос о предположительно находившихся в советском плену германских военнослужащих – младшем лейтенанте фон Брай-Штейнбурге и унтер-офицеру Кларе⁷¹. Однако через три дня без объяснения причин Нюландеру был вручен официальный отказ предоставить нужную информацию. Санкционировал такой ответ лично Молотов⁷².

В те же дни МККК переслал в Москву фотокопию первого списка советских военнопленных на 297 человек. В этой связи начальник УПВИ НКВД майор госбезопасности П.К. Сопруненко получил указание представить в исполнком СОКК и КП список немецких военнопленных на 300 человек. Однако распоряжения на его отправку в Анкару, в адрес уполномоченного МККК Жюно не последовало: правительство СССР ожидало затянувшийся ответ Берлина на свою ноту от 17 июля. Пока же в Москве решили ограничиться телеграммой в адрес председателя МККК Губера: "Исполнком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Союза ССР подтверждает получение Вашей радиограммы относительно посылки первого списка советских военнопленных. В свою очередь наш список будет исполнен латинским шрифтом. Находящимся в СССР военнопленным разрешено посыпать почтой открытки... На остальные Ваши вопросы ответ последует дополнительно. Морозов. Заместитель председателя Исполнительного Комитета"⁷³.

Телеграмма в Женеву ушла 25 августа 1941 г., когда уже была готова к отправке нота Берлина с громкими обвинениями в адрес СССР. Ни по первому, ни по второму пункту телеграммы ничего сделано не было: список с фамилиями и именами немецких

⁶⁷ Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта, с. 78–79.

⁶⁸ Имеется в виду организация, в которую вошли военнопленные офицеры и генералы, находившиеся в СССР. Учредительная конференция по созданию "Союза немецких офицеров" прошла 11–12 сентября 1943 г. в Лунево под Москвой.

⁶⁹ Freies Deutschland, 19.IX.1943.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 140, оп. 25, п. 33, д. 4, л. 68–68об.

⁷¹ Там же, л. 107.

⁷² Там же, д. 2, л. 14.

⁷³ Там же, ф. 054, оп. 21, п. 524, д. 66, л. 74.

военнопленных попал в архив⁷⁴, а почтовые открытки со знаком Красного Креста обитателям лагерных бараков разрешили написать только полтора года спустя, да и то далеко не каждому. В довершение германский посол в Турции Ф. фон Папен сделал запрос Виноградову о том, насколько достоверна информация о репрессиях в отношении советских военнопленных, имея в виду печально известный приказ № 270 от 16 августа 1941 г. Реакция Москвы на вмешательство в подобного рода дела была резко отрицательной.

Между тем Германия решила убедиться, насколько соответствует действительности информация о массовых расстрелах пленных немецких солдат. Одновременно решено было прозондировать отношение СССР к Женевской конвенции 1929 г. Нужные сведения удобнее всего было получить через Болгарию, представлявшую интересы Берлина на переговорах с Москвой. В этой связи 12 августа 1941 г. заведующего отделом Балканских стран НКИД Н.В. Новикова посетил болгарский посланник И. Стаменов. Как известует из записи беседы, последний остался не удовлетворен ответом на ногу болгарской миссии, в котором было выражено лишь общее согласие с принципами Женевской конвенции и ничего не говорилось о том, будет ли допущен представитель миссии в лагеря для немецких военнопленных⁷⁵.

20 августа, но уже в Анкаре Папен вручил Жюно тот самый список военнопленных, о котором телеграфировал в Москву председатель МККК Губер. При этом Папен подчеркнул, что Германия связывает с передачей этого списка последнюю возможность получить сведения о пропавших без вести немецких летчиках. Виноградов под впечатлением бесед с Жюно в начале сентября направил в адрес заведующего Средневосточным отделом НКИД С.И. Кавтарадзе срочную депешу: "Прошу также выяснить в нашем Центральном Бюро военнопленных, чем объясняется тот факт, что оно до сих пор не дает никакого ответа на запросы Жюно относительно присылки списков находившихся у нас германских военнопленных. Как Вам известно, немцы уже дали первый список красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест⁷⁶ получит такие же данные от нас"⁷⁷.

19 сентября 1941 г. Виноградова посетил еще один представитель Международного Красного Креста Э. де Аллер. Он информировал полпреда о том, что вместе со своим коллегой по МККК К. Бургхардтом посетил в середине августа лагерь для советских военнопленных в Хаммерштейне на 10 тыс. человек. Аллер нарисовал идиллическую картину жизни красноармейцев в плену: благоустроенный быт, хорошее питание, малообременительные работы, "отеческое" отношение к военнопленным со стороны коменданта лагеря. Такие впечатления представителей МККК могут быть объяснены как минимум двумя причинами: во-первых, стремлением Германии произвести благоприятное впечатление на Международный Красный Крест; во-вторых, готовностью самого МККК принять жалованье за действительное⁷⁸.

Сообщая эту информацию Виноградову, Аллер, судя по всему, рассчитывал, что это будет способствовать успешному продвижению переговоров с СССР. Однако советский представитель, ознакомившись с продемонстрированными ему фотоснимками, на которых советские военнопленные были одеты в поношенное гражданское платье, усомнился в том, что это военнослужащие Красной Армии⁷⁹. Через несколько дней Аллер и Виноградов встретились вновь, и результатом этой встречи явилось донесение последнего в Москву, в котором полпред указывал на существенные

⁷⁴ Утверждение Х. Штрайта о том, что осенью 1941 г. в распоряжении МККК имелся советский список с именами и фамилиями немецких военнопленных, не подтверждается документами отечественных архивов. Об отсутствии такого списка у представителей Женевы свидетельствует, в частности, и меморандум МККК, направленный в адрес СССР 9 июля 1942 г.

⁷⁵ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 85, л. 11.

⁷⁶ А.С. Виноградов имел в виду Международный Комитет Красного Креста.

⁷⁷ АВП РФ, ф. 132, оп. 26, п. 87, д. 31, л. 2.

⁷⁸ Там же, оп. 24а, п. 236, д. 8, л. 400–402.

⁷⁹ Там же.

осложнения в решении вопроса о судьбах военнопленных. Главное из них заключалось в том, что МККК, руководствовавшийся Женевской конвенцией 1929 г., квалифицировал действия советских партизан на оккупированной территории как противоправные. Советская же сторона придерживалась иной точки зрения, ориентируясь на Гаагскую конвенцию 1907 г., о признании которой СССР было заявлено ранее. Правовой отдел НКИД в этой связи дал Виноградову разъяснения, запретив вступать в какие-либо "дискуссии или практические переговоры" по вопросу о военнопленных без специального разрешения НКИД. Эти указания содержались в письме, подписанном заместителем наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозовым⁸⁰, которое пришло в Анкару в начале ноября 1941 г.⁸¹

Инициативы МККК касались еще двух сугубо практических проблем, непосредственно связанных с судьбами военнопленных. Во-первых, было сделано предложение организовать передачу советским военнослужащим, находившимся в германском плену, посылок с продовольствием, бельем, обувью и табаком. МККК выразил готовность приобрести все это в США и переправить советским военнопленным в Германию при условии, что Москва субсидирует закупки. При этом подчеркивалось, что принципиальное решение этой проблемы возможно в дальнейшем лишь на основах взаимности – если СССР обеспечит возможность доставки аналогичных посылок германским военнопленным. Во-вторых, были предприняты шаги для организации переписки пленных со своими семьями. К сожалению, ни в том, ни в другом случае позитивный результат не был достигнут. В частности, заместитель наркома связи СССР Г.А. Омельченко в октябре 1941 г. информировал председателя СОКК и КП С.А. Колесникова, а также Вышинского о том, что наркомат связи не видит возможности для обмена письмами военнопленных без специального решения правительства по этому вопросу. Заместитель председателя СНК СССР Р.С. Землячка, реагируя на запрос заместителя председателя СОКК и КП П.Д. Дивакова о возможности обмена продовольственными и вещевыми посылками, обратилась к Молотову. В результате появился документ, подписанный заведующим правовым отделом НКИД А.П. Павловым, в котором решение вопроса о посылках было поставлено в зависимость от гарантий доставки их конкретным адресатам. Что же касается предложения МККК о закупках в Америке, то оно было просто проигнорировано⁸².

МККК предпринял попытку произвести обмен ранеными и больными военнопленными. Однако уже в октябре 1941 г. Жюно вынужден был известить премьер-министра Турции Р. Сайдама о том, что намечавшийся обмен, судя по всему, так и не состоится, причем главным образом по вине советской стороны. Спустя месяц штаб главного командования сухопутными силами Германии дал следующий ответ: "В настоящее время прибытие тяжелораненных немецких военнопленных на родину невозможно. Больные советские военнопленные остаются поэтому в германском плену"⁸³.

Начиная с октября 1941 г. международно-правовой режим формировался при непосредственном участии США. Американский Красный Крест установил контакты с СОКК и КП СССР. Глава делегации американского Красного Креста А. Уордвелл надеялся открыть в Москве представительство, которое контролировало бы распределение медицинского оборудования, лекарственных препаратов, перевязочных средств. Было заключено соглашение о работе в СССР постоянной миссии американского Красного Креста⁸⁴. Американское посольство в Москве 13 ноября 1941 г. обратилось в НКИД с нотой, в которой оно, в частности, указывало на главную, с его

⁸⁰ Любопытно, что в то время как В.Г. Деканозов писал письмо в Анкару, немцы считали его мертвым. 4 августа 1941 г. Папен, ссылаясь на "достоверные источники", уведомил Берлин о том, что советский полпред в Берлине после приезда в Москву был допрошен, а затем расстрелян. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф.Р.-9401, – оп. 2, д. 100, л. 286.

⁸¹ АВП РФ, ф. 0312, оп. 24а, п. 239, д. 47, л. 1-2.

⁸² Там же, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 51-55.

⁸³ Bundesarchiv-Militärarchiv, RW 6/v.277.

⁸⁴ АВП РФ, ф. 054, оп. 20, п. 519, д. 92, л. 46-50, 68.

точки зрения, причину катастрофического положения советских военнопленных в германских лагерях: у руководства гитлеровского рейха имелись формальные основания для проявления произвола в отношении советских военнослужащих, поскольку они оказались лишены правовой защиты, предусмотренной международным соглашением. В ответной ноте, датированной 25 ноября 1941 г., СССР счел высказанные американской стороной упреки безосновательными. При этом была сделана ссылка на статью 82-ю непризнанной Советским Союзом конвенции, в которой говорилось о том, что во время войны государства, подписавшие международные соглашения, обязаны их соблюдать даже в отношении стран, не ставших участниками этих конвенций. Нежелание СССР взять доводам американской стороны и присоединиться к Женевской конвенции советское руководство объясняло тем, что статья 9-я конвенции, предусматривающая "размещение в лагерях военнопленных по расовой принадлежности", противоречит статье 13-й Конституции СССР⁸⁵.

В этот же день, 25 ноября 1941 г., появилась еще одна нота, подписанная Молотовым, – "О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных". Нота была направлена всем послам и посланникам стран, имевших дипломатические отношения с СССР. В ней приводились факты зверских пыток, истязаний, убийств пленных красноармейцев. Германия справедливо обвинялась в нарушении Гаагской конвенции 1907 г., в пренебрежительном отношении к принципам и нормам международного права. О Женевской же конвенции 1929 г., к которой СССР к тому времени твердо решил не присоединяться, в ноте не говорилось ничего⁸⁶. Безрезультатно закончилась и попытка государственного секретаря США К. Хэлла вновь вернуться к этому вопросу в декабре 1941 г.

В декабре 1941 г. в Лондон выехал уполномоченный МККК К. Бургхардт, на которого Губер возлагал большие надежды в деле установления контактов с Москвой. Бургхардт, бывший верховный комиссар Лиги наций в Данциге, имел связи не только в Берлине, но и в Лондоне, куда прибыл для встречи с советским полпредом в Великобритании И.М. Майским. 2 декабря 1941 г., накануне отъезда последнего в Москву, состоялась аудиенция в советском полпредстве. Бургхардт постарался убедить своего собеседника в том, что правительство СССР, разрешив делегатам МККК посещать лагеря для немецких военнопленных, прежде всего позаботиться таким образом о своих соотечественниках в немецком плену. В противном случае есть опасность, что немцы запретят делегатам МККК посещать лагеря для советских военнопленных в Германии. Майский согласился с доводами Бургхардта и обещал всяческую поддержку в столь важном вопросе. Поначалу события развивались благоприятно. Из предложенного МККК списка на шесть человек, готовых прибыть в Москву в качестве делегатов, остановились на шведе Г. Седегрене. Поскольку против этой кандидатуры у органов НКВД никаких возражений не было, заведующий правовым отделом НКИД Павлов обратился к своему руководству за разрешением на въезд шведа в СССР. Однако к этому времени Молотов распорядился "все разговоры о поездках в Москву каких бы то ни было делегатов прекратить". Поэтому, когда месяц спустя, 15 января 1942 г., Губер направил в адрес советского наркома иностранных дел телеграмму, в которой напомнил об обещании Майского положительно решить данный вопрос, ответа из Москвы не последовало⁸⁷. Двумя днями ранее, 13 января, Молотов запретил советским дипломатам обмениваться списками военнопленных с германской стороной. Его резолюция на докладной записке Вышинского по этому поводу гласила: "Не нужно посыпать списков (немцы нарушают всякие правовые и другие нормы)"⁸⁸.

⁸⁵ Там же, ф. 129, оп. 26, п. 36, д. 1, л. 133–134.

⁸⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы, т. 1, М., 1945, с. 184–190.

⁸⁷ АВП РФ, ф. 054, оп. 21, п. 624, д. 66, л. 73, 149–150.

⁸⁸ Там же, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 13.

Между тем положение советских военнопленных в Германии было в те дни исключительно тяжелым. Еще в октябре 1941 г. Москва попросила шведов подтвердить или опровергнуть сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс о том, что в Германии якобы издан приказ о переводе пленных красноармейцев в отличие от пленных из армий других иностранных государств на пониженные нормы питания⁸⁹. В конце месяца глава шведской миссии Ассорсон подтвердил эту информацию при встрече с заведующим отделом Скандинавских стран НКИД П.Д. Орловым. При этом Ассорсон добавил, что просьбу советской стороны предоставить ей копию немецкого приказа, ущемляющего права советских военнопленных, выполнить, к сожалению, не удалось⁹⁰.

Последствия этого и других мероприятий фашистского руководства были трагическими. По данным чиновника министерства труда нацистской Германии Э. Мансфельда, к началу 1942 г. из 3,9 млн. советских военнопленных в живых остались 1,1 млн. человек⁹¹. Лишь провал стратегии блицкрига и появившаяся потребность в дополнительной рабочей силе для германской промышленности вынудили имперское правительство пересмотреть отношение к советским пленникам. В лагерях началась их регистрация, которая до этого либо вообще не велась, либо велась из рук вон плохо. С февраля 1942 г. данные о советских военнопленных стали поступать в Международный Красный Крест. Появились несколько приказов об освобождении из плена красноармейцев нерусской национальности при условии их сотрудничества с германскими властями. 16 января 1942 г. отдел по делам военнопленных общего Управления штаба Верховного командования вермахта издал приказ за № 100/42 "Об улучшении положения военнопленных – крымских татар". Согласно этому приказу одни лица крымско-татарской национальности переводились на положение вольнонаемных рабочих, другие – зачислялись в подразделения лагерной хозобслужки и охраны⁹².

Видимо, в связи с некоторым улучшением положения советских военнопленных немецкие власти вновь попытались установить контакт с СССР по проблеме военнопленных в целом. О желательности этого шага дали понять правительству Швеции. Однако к этому времени негативная реакция Москвы на любые предложения подобного рода была уже очевидной. В ответном меморандуме, направленном в адрес шведской миссии в марте 1942 г., в качестве причин отказа иметь с немцами какие-либо дела появились новые мотивы: "Ввиду захвата германским правительством принадлежащего Советскому Посольству, Торговому Представительству и Консульствам СССР имущества, находящегося на территории Германии, Народный Комиссариат Иностранных Дел не считает возможным вступать с германским правительством в какие бы то ни было переговоры и соглашения"⁹³.

В 1942 г. продолжались попытки МККК и США убедить СССР присоединиться к Женевской конвенции. Молотов, встретившись с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, в очередной раз подтвердил нежелание СССР участвовать в женевских соглашениях, мотивировав свою позицию тем, что это может дать лишний повод Германии заявлять о своем следовании нормам международного права, тогда как советские пленные содержатся в нечеловеческих условиях. Советская сторона пыталась опереться на свидетельства немецких военнопленных – очевидцев преступлений Германии против советских военнослужащих и жителей оккупированных районов. Так, вскоре после ноты от 25 ноября 1941 г. УПВИ НКВД подготовило "Обращение группы немецких военнопленных в Международный Красный Крест". В январе 1942 г. еще один документ такого рода – "Протест немецких военнопленных" – был направлен в МККК.

⁸⁹ Имеется в виду приказ от 8 октября 1941 г. "Снабжение русских военнопленных". См. Военно-исторический журнал. 1991, № 11, с. 41–42.

⁹⁰ АВII РФ, ф. 06, оп. 3, п. 526, д. 352, л. 13–15.

⁹¹ Reitlinger G. The House Built on Sand. London, 1960, p. 119.

⁹² ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 100, л. 363.

⁹³ АВП РФ, ф. 140, оп. 26, п. 34, д. 1, л. 13.

Международный Красный Крест и в 1942 г. не отказался от попыток произвести обмен списками военнопленных. В отдельных случаях эти попытки синхронизировались с инициативой советских инстанций. 4 апреля 1942 г. сотрудники 1-го отдела Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей Красной Армии обратились к заведующему правовым отделом НКИД Павлову с просьбой предоставить им для доклада заместителю наркома обороны Е.А. Щаденко "материалы по вопросу об обмене военнопленными" и списки военнопленных красноармейцев, чтобы взять их на учет. Начальнику Бюро полковнику Шавельскому был дан ответ: "Препровождаю Вам германские, румынские и итальянские списки военнопленных и списки умерших советских военнопленных, полученные НКИД через Международный Комитет Красного Креста". В нем было обращено внимание на тот факт, что на неоднократные предложения со стороны МККК об обмене сведениями о военнопленных с немцами и их союзниками советская сторона не отвечала. Было также предписано в переписку с МККК по этим вопросам не вступать. К ответу прилагались: германский список советских военнопленных на 297 человек, румынский – на 640 человек, итальянский – на 117 человек, а также список умерших советских военнопленных на 17 человек, схемы могил и выдержки из международных конвенций⁹⁴.

Тогда же, в апреле 1942 г., на докладной записке Вышинского, адресованной Молотову и посвященной неоднократным представлениям болгарской миссии относительно передачи советской стороной сведений о германских военнопленных, нарком иностранных дел оставил резолюцию: "Не отвечать"⁹⁵. 31 августа 1942 г. Молотов дал следующий ответ на запрос шведского министерства иностранных дел по поводу упомянутых сведений: "Если шведы будут настаивать, сказать кому следует, что в связи со зверским обращением гитлеровцев с советскими военнопленными отрицательная позиция СССР сама собой понятна и не требует объяснений"⁹⁶. Между тем СССР по разным каналам продолжал получать сведения о своих военнопленных. В ряде случаев это были извещения о соотечественниках, оказавшихся в плену, которые через Виноградова или первого секретаря советского посольства в Турции А.А. Жегалова направлялись в Москву Кавтарадзе, а затем попадали к председателю СОКК и КП Колесникову. Количество переданной информации было очень невелико, однако приоритетной задачей международных инстанций было по-прежнему создание precedента, связанного с участием СССР в диалоге, с его адекватной реакцией на обмен сведениями о военнопленных.

Сознавая бесплодность предпринятых со времени начала войны инициатив, Губер тем не менее продолжал уговаривать советскую сторону пойти хотя бы на ограниченный компромисс. 25 июля 1942 г. на имя Молотова пришла очередная телеграмма из Женевы. Губер, с огорчением констатируя, что все предыдущие его обращения так и остались без ответа, предложил ограничиться "взаимной и одновременной посылкой сведений о военнопленных" и в этой связи выразил готовность предоставить себя в полное распоряжение сторон в качестве посредника⁹⁷. Молотов на эту телеграмму не ответил, так же как и на меморандум, подписанный Губером и полученный СССР 21 августа 1942 г.⁹⁸ В меморандуме в хронологическом порядке были перечислены все мероприятия МККК, связанные с проблемой военнопленных.

В 1943 г., окончательно убедившись в бесплодности всех предпринятых ранее шагов, руководители МККК несколько изменили свою тактику. Если раньше Губер во многих случаях обращался в СОКК и КП СССР, то теперь его главным адресатом стало правительство СССР. Кроме того, МККК стал чаще действовать через организации Красного Креста союзных с СССР, а также нейтральных стран. На это

⁹⁴ Там же, ф. 054, оп. 21, п. 523а, д. 57, л. 6, 10.

⁹⁵ Там же, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 13.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, п. 530, д. 73, л. 23.

⁹⁸ Там же, л. 30.

обстоятельство Колесников обратил внимание Молотова в письме от 5 мая 1943 г.⁹⁹ Новый подход МККК отчетливо проявился уже весной 1943 г., когда были сделаны запросы через шведский Красный Крест (18 апреля) и американский Красный Крест (23 апреля). Ответов Москвы на эти запросы не последовало. Все более осознавая тщетность предпринимаемых усилий, МККК попробовал направлять запросы о немецких военнопленных не в Москву, а непосредственно в те районы СССР, где, по имевшейся информации, содержались в лагерях германские военнослужащие. Но и такая практика оказалась безрезультатной. Как явствует из письма начальника Международного управления наркомата связи в НКИД, корреспонденция МККК выявлялась и задерживалась¹⁰⁰.

Едва ли не единственным вопросом, в решении которого наблюдался весьма относительный прогресс, была переписка военнопленных. В Женевской конвенции 1929 г. было предусмотрено безусловное право военнопленных переписываться с семьями. В советском "Положении о военнопленных", принятом 1 июля 1941 г., это право также декларировалось. До осени 1942 г. право переписки пленных в СССР не было реализовано.

В отечественной историографии до последнего времени превалировала точка зрения, согласно которой вся ответственность за это нарушение норм международного права возлагалась исключительно на руководителей "третьего рейха". Гитлер действительно не был заинтересован в том, чтобы в Германию попадали письма, свидетельствовавшие, что немецкие солдаты и офицеры не сгинули в сибирской тайге, а продолжают жить, получают сносную еду и медицинскую помощь, а тем более – отреклись от нацизма.

Однако не меньшая ответственность за нарушение права переписки лежала и на советском руководстве. После выхода приказа НКО № 270 от 16 августа 1941 г. ни о какой переписке военнопленных не могло быть и речи. Вместе с тем начиная с сентября 1942 г. в лагерях для немецких военнопленных в СССР стали разрешать писать письма на родину, но осуществляли при этом их тщательный отбор. УПВИ НКВД ставило перед собой задачу добиваться того, чтобы в письмах личного характера "в достаточно завуалированной форме пропагандировать хорошие условия содержания военнопленных в СССР"¹⁰¹.

Судьба отобранных в 1942 г. писем была различной: 312 писем были направлены в сектор иностранного радиовещания отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, а 3096 были переправлены в полевые почтовые станции Международного Красного Креста в Стокгольме и Анкаре¹⁰². С января 1943 г. переписка немецких военнопленных с семьями была во всех лагерях официально разрешена, однако масштабы ее строго ограничивались. Эти ограничения обусловливались, как следует из записки заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова и начальника УПВИ НКВД И.А. Петрова на имя Берии, "интересами оперативной службы и агитационными целями". С января 1943 г. и вплоть до окончания Великой Отечественной войны были отправлены 23 534 письма в Германию; получены же в адрес немецких военнопленных 10 914 писем. Главному Политическому управлению Красной Армии для разбрасывания с самолетов с агитационными целями были переданы 8 676 писем, адресованных в Германию, Румынию и Венгрию¹⁰³. Полученные через Красный Крест письма для германских военнопленных вручались адресатам лишь "в зависимости от их содержания и оперативной необходимости", как писал комиссар УПВИ НКВД Н.А. Мельников заведующему правовым отделом Павлову 30 января 1944 г.¹⁰⁴ В ответном письме Павлов, разделяя позицию комиссара УПВИ, подчеркнул, что

⁹⁹ Там же, л. 37, 38.

¹⁰⁰ Там же, л. 195.

¹⁰¹ ЦХИДК. ф. 1/п. оп. 9а. л. 10. л. 35.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, л. 35–39.

¹⁰⁴ Там же. л. 33.

адресатам могут быть переданы в порядке исключения некоторые письма, "в которых отражены трудности гитлеровского тыла, результаты бомбёжек, перебои в снабжении продовольствием". При этом он рекомендовал передавать эти письма хорошо зарекомендовавшим себя в лагере, антифашистски настроенным лицам¹⁰⁵. Содержание этого письма Мельников сообщил Петрову, который в свою очередь подготовил проект другого письма, подписанного им и Кругловым, на имя Берии. Его авторы предлагали существенно увеличить масштабы переписки немецких военнопленных, считая такой шаг лучшим средством контрпропаганды. Однако, судя по всему, это письмо так и осталось в проекте¹⁰⁶. Что же касается германской стороны, то после катастрофы под Сталинградом на почту военнопленных из СССР был наложен запрет, и лишь единичные письма, сброшенные с советских самолетов, окольными путями попадали в Германию.

Особая ситуация сложилась с перепиской известных представителей германского генералитета; в частности генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. В феврале 1943 г. в адрес исполкома СОКК и КП СССР из МККК пришла телеграмма с просьбой сообщить семье пленного фельдмаршала о состоянии его здоровья и о местоположении лагеря, в котором он находится. Заместитель начальника УПВИ НКВД А.З. Кобулов разрешил отправить ответную телеграмму следующего содержания: "Паулюс жив, здоров, чувствует себя прекрасно. Почтовый адрес лагеря – Союз Советских Социалистических Республик, лагерь в/х № 27"¹⁰⁷. Через некоторое время Паулюсу разрешили написать жене. 20 марта 1943 г. его письмо было направлено военному атташе при германском посольстве в Турции генерал-лейтенанту Г. Роде, а 12 апреля еще одно письмо ушло в адрес германского военного атташе в Японии генерал-майора А. Кречмера. Дальнейшая эпопея с письмами пленного Паулюса заслуживает специального освещения.

После Сталинградского сражения, когда стало ясно, что война принимает более затяжной и кровопролитный характер, свое слово в защиту "узников войны" попытался сказать Ватикан. В апреле 1943 г. папа Пий XII поручил титулярному архиепископу Дж. Ронкалли¹⁰⁸, занимавшему в то время пост апостолического делегата в Турции, встретиться в Анкаре с Виноградовым. Последний, однако, заявил, что правительство СССР отныне не придает значения любого рода сообщениям о судьбе советских военнопленных в Германии, ибо рассматривает их как предателей. Опрометчивые высказывания на этот счет допускала и посланник СССР в Швеции А.М. Коллонтай. Кулурная информация просачивалась в зарубежную прессу, становилась объектом пропаганды против Москвы со стороны Берлина¹⁰⁹.

В августе 1943 г. Губер обратился к правительствам воюющих стран с предложением произвести обмен или репатриацию в одну из нейтральных стран раненых и тяжелобольных военнопленных. СССР это предложение проигнорировал, а вот правительство Великобритании, воспользовавшись предоставленной возможностью, заключило с немцами соответствующее соглашение. По стечению обстоятельств судьба около 2 тыс. пленных англичан зависела от Москвы – их путь на родину лежал через Балтийское море, превратившееся в театр подводной войны между СССР и Германией; к тому же транспортировку людей должны были осуществить немецкие госпитальные суда. В этой связи Лондон обратился к советским властям с официальной просьбой обеспечить германским пароходам со знаком Красного Креста на борту безопасное плавание. 18 сентября 1943 г. посол Великобритании в Москве А. Керр напомнил о ноте своего правительства на приеме в НКИД. С точки зрения международного права отказывать англичанам в их просьбе оснований не было, поскольку СССР являлся участником

¹⁰⁵ Там же, л. 53.

¹⁰⁶ Там же, л. 38, 39.

¹⁰⁷ Там же, д. 14, л. 2-3.

¹⁰⁸ Впоследствии, в 1958 г., избран папой. Принял имя Иоанн XXIII.

¹⁰⁹ См. Военно-исторический журнал, 1991, № 7, с. 96.

Гаагской конвенции 1907 г. "О применении к морской войне начал Женевской конвенции". При обсуждении в НКИД ответа англичанам, однако, возникало опасение, что немцы смогут использовать свои госпитальные суда "в военных целях". В конце концов было решено "оказать содействие", но не принимать на себя "безоговорочное обязательство" по обеспечению безопасного плавания германских пароходов¹¹⁰.

В октябре 1943 г. Германия и Великобритания дважды произвели обмен ранеными и больными, а также медицинским персоналом и войсковыми священниками, т.е. теми лицами, которые, согласно Женевской конвенции, пользовались первоочередным правом на repatriацию¹¹¹. Это была одна из немногих удачных попыток Международного Красного Креста облегчить участие военнопленных во второй мировой войне.

Между тем вскоре отношения СССР с Международным Красным Крестом были прерваны. В декабре 1943 г. в Харькове состоялся судебный процесс над тремя военнослужащими вермахта и одним гражданином СССР. 18 декабря был объявлен приговор – смертная казнь за убийство мирных жителей всем четверым, которая и была публично совершена на одной из площадей освобожденного от оккупантов города. В прессе, в среде мировой общественности этот судебный процесс вызвал противоречивые оценки. С одной стороны, всеми советскими и многими зарубежными деятелями и судебный процесс, и вынесенный приговор были квалифицированы как торжество справедливости и триумф международного права. С другой стороны, в иностранной прессе, в частности в британской, прозвучала мысль о том, что во избежание необъективности подобные суды следует проводить только после окончания войны. При этом МККК в "Обращении к правительствам воюющих стран" напомнил, что практика привлечения к уголовной ответственности противоречит Женевской конвенции. Можно было соглашаться или не соглашаться с такой позицией МККК отстаивать свою точку зрения, но Москва решила поступить иначе – всякие контакты с МККК были прекращены. Отповедь "господам из Женевы" поручили дать в печати члену-корреспонденту АН СССР А.Н. Трайнину, который назвал обращение МККК таким документом, место которому – "мусорный ящик истории"¹¹².

Впрочем, разрыв в отношениях СССР и МККК к тому времени уже не мог что-либо кардинально изменить в судьбах советских военнопленных в Германии и немецких военнопленных в СССР. Международно-правовые формальности, как считали в Берлине, и в Москве, исчерпали себя еще в 1941 г.

Разумеется, предпринятое на основе анализа архивных материалов исследование не исчерпывает в полной мере рассматриваемую проблему. Однако документы, введенные авторами в научный оборот, проливают свет на одну из малоизученных и остающихся во многом дискуссионной проблем истории второй мировой войны.

¹¹⁰ АВП РФ, ф. 054, оп. 22, п. 529, д. 61, л. 147–147об.

¹¹¹ Советско-английские отношения в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы, т. 2. М., 1983, с. 46.

¹¹² Трайнин А.Н. Бесчеловечный гуманизм. – Война и рабочий класс, 1944, № 9, с. 16–18.